

Фаддей Булгарин

**Правдоподобные небылицы,
или Странствование
по свету...**

Фаддей Венедиктович Булгарин

Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=647015*

Наука и жизнь: 1824

Аннотация

«Не хочу присваивать себе чужого и признаюсь перед читателями, что уже многие прежде меня пускались странствовать на крыльях воображения в будущие века. Известный французский писатель Мерсье и немецкий Юлий фон Фосс особенно отличились в сём роде. Но как область вымысла чрезвычайно обширна и всякому позволено странствовать в ней безданно и беспошлинно, то я вознамерился также перешагнуть (разумеется, в воображении) за 1000 лет вперед и посмотреть, что делают наши потомки...»

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

16

Фаддей Булгарин Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке

* * *

Не хочу присваивать себе чужого и признаюсь перед читателями, что уже многие прежде меня пускались странствовать на крыльях воображения в будущие века. Известный французский писатель Мерсье и немецкий Юлий фон Фосс особенно отличились в сём роде. Но как область вымысла чрезвычайно обширна и всякому позволено странствовать в ней безданно и безошлинно, то я вознамерился также перешагнуть (разумеется, в воображении) за 1000 лет вперед и посмотреть, что делают наши потомки. Мерсье и фон Фосс поместили в своих сочинениях много невероятностей, вопреки законам природы, я, напротив того, основываясь на начальных открытиях в науках, предполагаю в будущем одно правдоподобное, хотя в наше время несбы-

точное. Нравственную цель сей статьи читатели увидят сами.

Однажды вздумал я пригласить моего доброго приятеля переехать со мной на ялик из Петербурга в Кронштадт. Погода была прекрасная; тихий ветерок играл с нашим парусом. Поговорив о древнем и нынешнем состоянии России, о великом ее преобразователе Петре I и о будущих благоприятных надеждах, мы невольно завели философический разговор о способностях рода человеческого вообще и о благе, проистекающем от направления сих способностей к полезной деятельности.

– Веришь ли ты, – спросил меня приятель, – что род человеческий беспрестанно стремится к совершенству в нравственном отношении и что наши потомки будут лучше нас?

Я. Хотя не совсем верю, но желаю этого от чистого сердца.

Приятель. Как, не веришь? Сравни дикого аборигена Новой Голландии с образованным европейцем: рассмотри философически причины различия между частными людьми и народами, и после этого ты удовлетворишься, что нравственное состояние человека усвершенствуется беспрестанно по мере успехов просвещения в народе, благоустройства в государстве, изощрения способностей человека в занятиях благородных, возвышенных, полезных.

Я. Не сомневаюсь, что человек способен к совершенству, но верю, что эта постепенность образованности от дикаря

Новой Голландии до просвещённого европейца имеет свои пределы и не может простираться за черту, назначенную природой.

Приятель. Это голос самолюбия мудрецов XIX столетия. Древние греки и римляне, без сомнения, также думали, что степень их образования есть самая возвышенная; но согласись, что они, в сравнении с нами, дети, едва вышедшие из младенчества.

Я. Не соглашаюсь. Древние образованные народы обращали все умственные свои способности на усовершенствование философии, нравственности, политических сведений, изящных искусств и общежития. Должно сознаться, что они достигли возможного совершенства во всех сих отраслях человеческих познаний. Со времён Сократа и Платона едва ли сказано что-нибудь нового по части светской нравственности и философии. Повторяю, они превосходили нас в нравственном отношении, довели до возможного совершенства все отрасли образованности, обратившие на себя их внимание, и умели лучше нас наслаждаться жизнью.

Приятель. Но зато как мы далеко шагнули вперед в науках физических. В последнее столетие сделано более открытий, нежели в первую тысячу лет. В наше время созданы химия, физиология, физика, механика, медицина, открыто электричество, магнетизм, исследованы газы... и проч. Всё это со временем завлечёт нас далеко на поприще открытий и усовершенствований.

Я. Правда, что в физических науках мы гораздо выше древних, и если открытия будут продолжаемы беспрестанно в таком же множестве и с таким же рвением, то любопытно знать, что будет с родом человеческим через тысячу лет...

Едва я успел кончить последние слова, как вдруг поднялся сильный ветер; одним ударом опрокинуло наш ялик: я упал в море и потерял чувства...

Когда я пришёл в себя, мрак ночи препятствовал мне видеть, где я находился; но я чувствовал, что лежу в мягкой постели, окутанный одеялами. Через несколько времени свет начал пробиваться чрез малые отверстия в ставнях, — я отворил их и остолбенел от удивления. Стены моей комнаты, сделанные из драгоценного фарфора, украшены были золотой филиграновой работой и барельефами из того же металла. Ставни сделаны были из слоновой кости, а все мебели из чистого серебра.

Я открыл окно, и мне представилась великолепная площадь, окружённая прекрасными лакированными домами различных цветов. Кругом площади и по бокам широкой улицы, продолжавшейся во весь разрез города, были сделаны крытые галереи для пешеходов, а на мостовой чугунные желобы для колес экипажей. Все улицы ещё были пусты; я увидел одного только часового, стоявшего у большого фонтана посреди площади.

Наконец мало-помалу начали отворяться двери и окна в домах. Представьте себе моё изумление, когда я увидел гос-

под и господж в парчовых и бархатных платьях, выметавших улицы или поспешавших с корзинами на рынок в маленьких одноместных двухколесных возках, наподобие кресел: они катились сами без всякой упряжки по чугунным желобам мостовой с удивительной быстротой. Вскоре появились большие фуры с различными припасами, двигавшиеся также без лошадей. Под дрогами приделаны были чугунные ящики, из коих на поверхность подымались трубы: дым, выходящий из них, заставил меня догадываться, что это паровые машины. Крестьяне и крестьянки, сидевшие на возах, все одеты были с таким же великолепием в парчу и бархат; при этом зрелище я более уверился, что я сошёл с ума, и принялся горько плакать о потере небольшого количества моего рассудка.

Через полчаса дверь отворилась в моей комнате, и вошёл господин в парчовом полукафтани, в шёлковых чулках, с распущенными кудрями по плечам. Он с низким поклоном объявил мне чистым русским языком, что его барин прислал осведомиться о моём здоровье и спросить, что мне угодно.

– Скажите, ради Бога, где я и что со мной делается? – воскликнул я трепещущим голосом.

Служитель, как казалось, не понимал моего вопроса и потому не отвечал.

– Как этот город называется? – спросил я.

– Надежин, – отвечал слуга.

– В какой стране он лежит?

– В Сибири, на Шелагском Носу. – При сих словах я громко рассмеялся.

– Как в Сибири! – воскликнул я.

– Точно так, – отвечал слуга. – Но позвольте доложить моему барину, что вы проснулись; он придёт к вам, и вы лучше с ним объяснитесь.

Слуга пособил мне одеться в платье, сшитое наподобие азиатского, из ткани чрезвычайно лёгкой, голубого цвета.

– Кто же таков ваш барин? – спросил я. – Вероятно, какой-нибудь принц, судя по богатству его дома.

– Он профессор истории и археологии при здешнем университете, – сказал слуга.

В сие время он вошёл в мою комнату, в такой же простой и лёгкой одежде, как моя, и, вежливо поклонившись, просил меня сесть с ним рядом на канapé. Не дав ему выговорить слова, я повторил мой вопрос: где я нахожусь, и, услышав прежний ответ, спросил, каким образом я здесь очутился.

– Вчера люди, работавшие на берегу морском, – сказал профессор, – нашли вас в меловой пещере завёрнутого в драгоценную траву *radix vitalis* (жизненный корень), которую мы употребляем для возвращения к жизни утопленников, задохшихся и всех несчастных, у которых жизненные силы остановились от прекращения дыхания, без расстройства органов. Но скажите мне, в свою очередь, каким образом вы попали в эту пещеру?

– Не знаю, что вам отвечать, – сказал я. – Вчера, то есть

15 сентября 1824 года, я упал в море между Кронштадтом и Петергофом, поблизости Петербурга, а сего дня нахожусь в Сибири, на Шелагском Носу, в великолепном городе! Признаюсь вам, – продолжал я, – что я сомневаюсь в моём здоровье и думаю, что моё воображение расстроилось. Всё, что я слышу и вижу, удивляет меня и приводит в недоумение.

– Знайте, что ныне 15 сентября 2824 года и что вы спокойно проспали в пещере целые 1000 лет!

– Возможно ли? – воскликнул я.

– Пожалуйста, не удивляйтесь ничему, – сказал профессор, – а скажите мне, помните ли вы все происшествия своего времени?

– Помню, как вчерашний день, – отвечал я.

– Прекрасно, – сказал он, – вы можете нам объяснить многие исторические и археологические предметы и принесёте большую пользу истории просвещения. Взамен я вас познакомлю с нравами и обычаями нашего времени; между тем пойдёте позавтракать; я вас представлю моему семейству.

Мы сошли в нижний этаж по круглой лестнице из слоновой кости и вошли в залу, убранную с невероятным великолепием. В ожидании прибытия дам я вступил в разговор с профессором.

Я. Кто бы подумал, что Шелагский Нос, только что описанный в наше время и состоявший из ледяных и снежных глыб, будет населён? Что суровый климат северной Сибири превратится в роскошную полуденную страну, в Эльдorado,

и что, наконец, у профессора будет более золота, нежели в наше время было у всех вместе взятых откупщиков, менял и ростовщиков!.. Непонятно!

Профессор. Сравните описание Германии Тацита и записки о Галлии Юлия Кесаря с состоянием сих стран в XIX веке: климат, люди, всё переменялось. Точно то же сделалось с Сибирью: всё это весьма естественно и нимало не удивительно. Истребление лесов, осушение болот, переход внутренней теплоты земли к Северу, возвратное движение равноночных пунктов (*Praecessio aequinoctiorum*, *precession des equinoxes*) и, наконец, множество непредвиденных случаев изменили наш климат; теперь мороз водворился в Индиях и в Африке, а полярные страны сделались самыми роскошными и плодородными.

Я. Полярные страны! В наше время только начали их отыскивать и описывать одни углы. Скажите, отыскан ли северо-западный путь и справедливо ли предположение наших учёных, что Берингов пролив соединяется на севере с Баффиновым заливом?

Профессор. Без сомнения. В наше время это обыкновенный путь кораблей из Индии в Европу.

Я. Но скажите мне, откуда у вас такое множество золота и серебра? В наше время даже в сказке неприлично было бы говорить о таком богатстве.

Профессор. В ваше время золото и серебро составляли богатство, а ныне эти металлы почитаются самой обыкновен-

венной, дешёвой вещью и употребляются только небогатыми людьми.

Я. Из чего же чеканите вы монету и делаете драгоценные свои вещи?

Профессор. Из дубового, соснового и берёзового дерева.

Я. Из дерева, которым у нас топили печи, из которого строили барки, крестьянские дома, мостили дороги!..

Профессор. Оттого-то, что наши предки без всякой предусмотрительности истребляли леса и не радели о воспитании и сохранении деревьев, они наконец сделались редкостью и драгоценностью. Богатство и вкус – вещи условные: первое происходит от редкости предметов и трудности их приобретения; второе зависит от прихоти людей или моды, всегда смешной и странной. В глазах мудрого истинное богатство состоит в возможности удовлетворения первым жизненным потребностям, а впрочем, всё равно, на золото или на куски дерева вы покупаете необходимые для вас вещи. Мне известно по истории, что даже в ваше время король Сандвических островов, Тамеамеа, платил европейцам за пушки, корабли и товары сандаловым деревом. Согласитесь, однако ж, что дуб превосходнее сандала.

Я. Это правда: богатство есть вещь условная.

В сие время вошла жена профессора с двумя прелестными дочерьми и маленьким сыном. Женщины были одеты в туники из рогожек, сплетённых весьма искусно и окрашен-

ных в радужные цвета. Мальчик лет 10 был просто в халате. Каждая женщина в левой руке имела кожаный щит, покрытый непроницаемым лаком, чтобы закрываться от нескромных глаз, вооружённых очками с телескопными стеклами, которые были в большой моде. Хозяйка сказала мне несколько слов на неизвестном мне языке, но, увидев, что я не понимаю, спросила по-русски, неужели я не говорю по-арабски.

– Нет, – отвечал я, – в наше время весьма немногие учёные занимались изучением сего языка.

– Это наш модный и дипломатический язык, – сказал профессор, – точно так же, как в ваше время был французский.

Женщины не могли скрыть улыбки при сих словах, и старшая дочь спросила меня:

– Может ли это стать, чтобы ваши дамы говорили французским языком, однозвучным, почти односложным и беднейшим словами из всех языков?

– В наше время, – отвечал я, – дамы говорили по-русски только с лакеями, кучерами и служанками, а всю свою премудрость истощали в подражании французскому произношению. У нас кто не говорил по-французски, – продолжал я, – тот почитался невежею в большом свете, хотя иногда так случалось, что те из русских, которые между собой говорили всегда по-французски, бывали величайшими невежами.

– Всё это повторяется теперь у нас, – сказал профессор, – с той только разницей, что французский язык в наше время есть то же, что у вас был чухонский, а богатый, звучный и

гибкий арабский язык заступил место французского.

В это время человек принёс поднос, уставленный деревянными некрашеными чашками, поставил его на золотой столик и через несколько минут принёс две деревянные же чаши, одну с русскими щами, другую с гречневой кашей, и бутылку с огуречным рассолом. Я решительно отказался от этого завтрака, чему всё семейство крайне удивлялось.

– Жена моя, – сказал профессор, – хотела угостить вас самым дорогим завтраком из заморских растений; извините её, она не знает археологии и потому не могла угодить вашему вкусу. Я велю вам из кухни принести чаю, кофе и шоколаду: эти в ваше время лакомые вещи ныне употребляются только чёрным народом.

– Правда, – сказал я, – что уж в наше время простой народ начал излишне употреблять чай и кофе: я предвидел, что со временем богатые люди, для отличия, откажутся от сих растений. Но я не понимаю, каким образом, взамен чаю и кофе, самые грубые растения: капуста, гречиха и огурцы – вошли в такую честь!

– От редкости, – отвечал профессор. – Переменой климата переменялось царство растений, и эта обыкновенная и грубая в ваше время пища ныне получается на кораблях из Индии, взамен бананов, кокосов, корицы, перцу и гвоздики, которые мы туда посылаем. Впрочем, исследования учёных медиков доказали, что капуста, гречиха и огурцы – здоровая и питательная пища – достойны оказываемой им че-

сти. Можно утвердительно сказать, что эти растения гораздо полезнее всех горячительных средств, которые в таком множестве употреблялись в ваше время и производили подагру, расслабление нервов и преждевременную старость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.